

Используя только что освоенную магию, Шериль наполнила водой большой чан, а затем принялась медленно подогревать её огоньком. С другой стороны, в единственной уцелевшей кастрюле она поставила вариться рисовую кашу.

Заметив, что Юм принесла несколько вещей, Шериль попробовала воду на ощупь:

— Юм, вода почти готова, иди искупайся первой, а я займусь стряпней.

— Нет, давай я приготовлю еду, Шериль, ты ведь целый день была на ногах, иди помойся. — Юм отложила в сторону комплект белой полотняной одежды и, уставившись на грудь Шериль, произнесла: — Эта одежда, должно быть, принадлежала жене старосты деревни, когда та была молодой, размер как раз по тебе.

— Правда? Но, Юм, ты вообще умеешь готовить? Разве обычно не тетя всем занималась... — Шериль, совершенно не замечая взгляда Юм, слегка заволновалась. Вряд ли, конечно, но что, если Юм сотворит какое-нибудь несъедобное варево? Воду-то она может создать сама, а вот припасов у них всего наперечёт.

Услышав это, Юм взмахнула маленьким кулачком в знак протеста:

— Недооцениваешь меня! Я столько лет за всем наблюдала: хоть сама свинину и не ела, но бегающих свиней видела. Такая ерунда меня не испугает.

— Но... Ой-ой, не толкай меня! Я поняла... Ладно, тебе готовить... Хватит щекотать!

Не успела Шериль высказать возражения, как Юм подошла и, толкая её к водяному чану, принялась щекотать левой рукой, а правой ловко, в два счёта сорвала с Шериль те жалкие лохмотья, которые уже давно не выполняли роль одежды.

Глядя на стоящую перед ней Шериль, похожую на распустившийся посреди грязи снежный лотос — с кожей гладкой, как фарфор, и губами, словно лепестки вишнёвого цвета, — Юм на мгновение замерла от восхищения, даже несмотря на то, что сама была девушкой. Хрупкая, миниатюрная фигурка пробуждала бесконечное желание защитить её, и единственным небольшим изъяном казалась разве что слегка плоская грудь, но ведь она ещё успеет вырасти! Даже несмотря на то, что души Сюэ Ли и Шериль слились воедино, врождённое чувство стыда никуда не исчезло. Внезапное обнажение своего нежного тела перед другим человеком заставило Шериль миг покраснеть до кончиков ушей, а её руки едва успели прикрыть самые сокровенные места. На этот раз, лишённая защиты одежды, Шериль отчётливо поймала на себе взгляд Юма и заметила промелькнувшее в нём мимолётное сожаление. В тот же миг девушка взъерошилась, словно рассерженный котёнок. Забыв о том, что её прелести выставлены напоказ, она бросилась на Юма.

Чистый и звонкий смех девушки разносился над этой обугленной землёй, вдыхая капельку жизни в безмолвную пустошь...

Когда Юм тоже закончил мыться, Шериль осторожно вынесла миску с горячей рисовой кашей. На прозрачной поверхности рисового отвара плавало несколько кусочков вяленого мяса —

пусть еда и выглядела крайне просто, в такой обстановке она всё равно наполняла сердце теплом.

Забыв, когда ела в последний раз, Шериль уплетала за обе щеки, даже не успев толком распробовать вкус. Если бы так ел мужчина, это сочли бы грубостью, но в исполнении Шериль это выглядело невероятно мило. Видя, с каким аппетитом ест девушка, Юм мысленно усмехнулся: всё-таки кулинарный талант у меня что надо.

Но во время еды Юм вдруг замер. Заметив рисовое зёрнышко, прилипшее к щеке Шериль, Юм стал медленно подвигаться ближе.

— Юм? Что такое? — с недоумением спросила Шериль, глядя на внезапно придвинувшегося Юма. Ощущая нежный аромат тела, исходивший от только что искупавшегося Юма, Шериль почувствовала, как её лицо начинает гореть. С тех самых событий она безвылазно сидела дома, и ощущать уникальный женский запах на столь близком расстоянии ей доводилось впервые.

Однако Юм ничего не ответил и продолжал сокращать расстояние. Дыхание стало чуть более частым, и, видя, как прелестное личико приближается всё ближе, Шериль от растерянности замерла на месте. Юм медленно протянула руку, аккуратно сняла с лица Шериль прилипшую рисовую зернышку и отправила её себе в рот.

— Шериль, разбрасываться едой нехорошо~ К тому же твоя реакция такая забавная~

Лишившись дарда речи от такого поддразнивания, Шериль опустила голову и принялась усердно накладывать себе еду, стараясь не обращать внимания на Юм.

Наевшись и отдохнув, они вновь отправились на поиски. На этот раз обе решили обыскать всю деревню целиком, забирая обратно всё, что еще могло пригодиться.

Пока было время, Шериль подошла к телам семьи старосты, которые она ранее спрятала в стороне. Хотя вокруг валялось множество трупов, одно дело — живые еще недавно тела, и совсем другое — обугленные до неузнаваемости головешки. Для Юм, девочки всего семи лет от роду, даже это зрелище было слишком жестоким. И хотя реальность и без того жестока, уменьшить хоть капельку эту боль было в её силах.

Элемент земли в этой выжженной дочерна почве был крайне истощен, так что обычное захоронение не подходило. Оставалось лишь кремировать их.

Тихо прошептав заклинание кеназ, Шериль окутала троих погибших священным пламенем, в котором сквозило легкое ощущение искупления, и аккуратно направила огонь так, чтобы он не задел ничего лишнего. Одновременно с этим она вытащила серебряный меч из ослабевших рук старосты. Теперь ей приходилось защищать не только себя, но и Юм, так что размышления о гуманности и правильности поступка пришлось отложить.

Пусть она и знала, что души семьи старосты уже слились с ее собственным телом и ни о каком вознесении на небеса или перерождении не может быть и речи, Шериль все равно сложила руки в молитве и тихо поклонилась:

— Староста, я обязательно буду жить дальше. И не только ради себя, но и ради Юм. Я буду

жить счастливее всех на свете и чувствовать себя свободнее каждого...

После долгих поисков Шериль обнаружила в доме старосты еще и карту на овечьей коже. На ней были отмечены все города и селения Королевства Огаст. Хотя из-за времени некоторые надписи на ней поблекли и смазались, общий маршрут всё еще можно было разобрать. Взглянув на ближайший к ним город — Город Камберленд, — она решила, что как только все припасы будут собраны, им пора отправляться в путь.

Затем удалось отыскать разбросанные тут и там золотые монеты — это было последнее имущество этого единственного уцелевшего дома.

С другой стороны, Юм сразу же направилась по воспоминаниям к своему собственному дому. Глядя на превратившиеся в руины остатки стен, она сохраняла удивительное спокойствие. Вопреки её собственным ожиданиям, слишком сильной печали она не почувствовала: мертвые мертвы, и раз она сама еще жива, значит, должна жить как положено. Что же касается мести... Имена Арнольда и Хэнка — правдивы они или нет, — оставались под вопросом, но существование человека по имени Генри, которого опознала тетя Дилия, точно было реальным. Мысленно прокрутив в голове это выжженное на сердце имя, Юм повернулась и без малейшего сожаления покинула пепелище.

Время не ждало, позволить себе праздность они не могли.

Обыскивая всё вокруг, на месте недавнего боя тети Дилии она нашла три серебряных меча, но, к сожалению, два из них оказались сломаны. Кроме того, на земле валялся сломанный короткий посох. Пусть Юм и не знала, есть ли от него какая-то польза, она все равно подобрала его: в конце концов, вещь, способная уцелеть в таком яростном пожаре, определенно обладала какими-то необычными свойствами.

Неизвестно откуда в небе появилась стая воронов. Уставившись на разбросанные повсюду разлагающиеся трупы жадными взглядами, птицы каркали — кар-кар, — словно заявляя свои права на пиршество перед последними двумя живыми людьми на этом пепелище.

Хотя отвратительные лица погибших сельчан, обнажившиеся после смерти, вызывали у нее лишь брезгливость, о мертвых судят иначе — к чему теперь сводить с ними счеты? Как-никак, они были односельчанами, и позволить этим тварям осквернить их тела она не могла. Глядя на стаю воронов, Шериль вдруг вспомнила об одном контракте с Магическим Зверем из Книги Мудреца, для которого как раз требовались вороны. Как вовремя они явились!

<http://bllate.org/book/25113/2985474>